

Сергей Подоленко
**Романтики с большой
дороги**

Сергей Подоленко

Романтики с большой дороги

«Автор»

2026

Подоленко С.

Романтики с большой дороги / С. Подоленко — «Автор», 2026

Это не мемуары рок-звезды и не учебник успеха. Эта книга — хроника музыкальной жизни Барнаула от конца нулевых до начала двадцатых на примере одной конкретной группы. Со всеми нелепостями, сомнениями и редкими мгновениями, когда понимаешь: всё это было не зря. Даже если этого никто не запомнил. Особенно если никто не запомнил. Это книга о группе Plastic Art, которая существовала с 2009-го по 2023-й год, и её фронтмене. И немного об «Амстердаме» и «Волнах», в которых тоже когда-то играл автор.

© Подоленко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интро	5
Начало всех начал	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Романтики с большой дороги

Интро

Акустическая гитара Fender стоит в углу. Я смотрю на неё, но не беру в руки. Когда-то она была моим голосом, моим способом говорить с миром. Теперь она просто предмет мебели. Напоминание о том, что всё когда-нибудь заканчивается. Но чаще всего я смотрю на неё и думаю о другом. Я думаю о том разговоре, который у нас с сыном ещё не случился, но обязательно произойдёт через несколько лет.

Я часто представляю его себе. Он находит в интернете старые записи или видео с концерта. Подходит ко мне, садится напротив и спрашивает: «Пап, а расскажи, как это было?». Он смотрит на меня с любопытством, смешанным с недоверием. Я усмехаюсь. Конечно, для него я просто отец, который водит его в школу, проверяет уроки и читает на ночь. Но я начинаю свой рассказ — не для того, чтобы он мной гордился или считал меня крутым, а чтобы он знал: когда-то я был не только учителем и отцом.

Эта книга — мой ответ ему. Моё последнее выступление. Не на сцене, не под софитами, а в тишине, один на один с экраном ноутбука. Я не буду прятаться за гитарными аранжировками и искать красивые слова. Я просто расскажу всё как было: без прикрас, без надежды на одобрение. Текст будет корявым и сбивчивым — я оставляю его таким намеренно. Именно так звучали наши песни: неотёсанно, шершаво, но честно.

Я пишу это не только для того, чтобы он услышал мою историю. Я пишу её ещё и потому, что знаю: такие истории не должны исчезать бесследно. Я хочу сохранить эти воспоминания — для себя, для него, для друзей, для всех тех, кто однажды захочет понять, какими мы были. Чтобы через много лет, когда я уже не смогу больше взять гитару в руки, он мог открыть эту книгу и снова услышать мой голос. Услышать нас — таких молодых, таких наивных, таких живых.

Это книга — финал очень долгой истории. Негромкий, немного нескладный, но абсолютно «мой». И хотя она обращена к нему, я знаю: в ней есть что-то, что может отозваться и в других. В тех, кто тоже когда-то собирал свою группу в гараже. В тех, кто мечтал о славе, но остался просто человеком. В тех, кто понимает: иногда самое важное — не стать звездой, а сохранить тех, кто был с тобой рядом.

Поэтому эта книга выходит в свет. Не ради славы, не ради денег, а ради того, чтобы от нашей общей истории остался след. Чтобы кто-то, прочитав, сказал: «Я тоже так жил». Это не просто мемуары для домашнего архива. Это разговор. С ним. С вами.

Всем, кто когда-либо делил со мной сцену, микрофон и последнюю сигарету в прокуренном тамбуре репетиционной точки. Всем, кто верил в Plastic Art и в меня, иногда даже больше, чем я сам, и чем того требовал здравый смысл. Всем тем, с кем мы так и не стали звёздами, но сумели остаться людьми.

Вам посвящается.

Начало всех начал

Если верить биографиям знаменитостей, любая уважающая себя группа просто обязана иметь красивую легенду о своём рождении. Золотой стандарт, без которого никуда, выглядит примерно так: тяжёлое детство (чем тяжелее, тем лучше), непонимание гения (чем сильнее, тем правдивее), и обязательно нужен кто-то, кто в них не верил (лучше всего — мать, отец, учитель или все сразу). Потом — озарение, первый аккорд, первая песня, и вот уже весь мир лежит у их ног.

А если не весь, то продюсеры дорабатывают историю, добавляя нужные детали, чтобы на выходе получился идеальный продукт для массового потребителя. Потом музыканты и менеджеры пересказывают эту историю в каждом интервью, глядя в объектив с выражением «мы прошли через ад». И со временем выдумка становится правдой не только для фанатов, но и для них самих. А там, глядишь, и слава, денег дофига и чувство собственной крутости до самой смерти. Красиво, правда?

У меня такой легенды не было. Да и откуда ей было взяться? Детство моё было до скуки обычным, в гении я не метил, и до восемнадцати лет единственное, что я делал с музыкой, это слушал её, даже не думая, что когда-нибудь сам стану тем, кто её играет. Никто не выгонял меня из дома, не говорил, что я позор семьи, и не запрещал заниматься музыкой. Так что мифотворчество осталось там, где ему самое место — в головах тех, кто верит, что без красивой легенды нельзя быть настоящим музыкантом. А я как-то обошёлся.

Скажу честно: за гитару я взялся по дурацкой и постыдной причине — хотел нравиться девочкам. Банально? Да. Пошло? Ну, допустим. Смешно? Очень. Но эта дурацкая причина была честнее любого продюсерского мифа. В ней ноль пафоса, одна надежда: нелепая, отчаянная, смешная. Надежда, что если из шести струн вытянуть что-то похожее на музыку, на тебя наконец посмотрят по-другому. Тогда мне казалось, что гитара это волшебная палочка, которая мигом превратит заурядного парня (меня) в героя рок-баллады, в предмет воздыхания всех доступных девчонок.

Сначала я представлял себя таким рок-героем в замызганных кедах: стою такой важный на сцене, ветер треплет длинные волосы, зал замирает от одного аккорда. Спойлер: ни одну девушку так и не сразили мои корявые аккорды и неуклюжие стихи. Ну почти. Зато гитара, эта самая коварная деревянная дама с шестью струнами, вцепилась в меня мёртвой хваткой и не отпускает до сих пор. Она оказалась куда менее требовательной и ревнивой, чем те, ради кого я брал в руки медиатор и корпел над листком бумаги, сочиняя свои неловкие стихи.

Первую свою настоящую любовь я вообще встретил в интернете. Она была подругой моей «подруги по переписке» в аське (миллениалы всплакнули), и мои музыкальные притязания её волновали мало. Впрочем, у неё самой за плечами была музыкальная школа, так что она могла с пониманием терпеть мой псевдомузыкальный шум и иногда даже пыталась помочь мне с основами. По крайней мере, пыталась. Я же был больше увлечён её красотой и чувствами, чем её попытками сдвинуть мой «талант» с мёртвой точки.

Когда мы болезненно расстались (классика жизни), я, словно в насмешку над собой, ещё пару раз звал её поиграть с нами. Там, где нормальные люди оставляют прошлое и идут дальше, я наивно пытался всё исправить или начать сначала. Хотя, если честно, в этих приглашениях было куда больше надежды вернуть то чувство, что когда-то было между нами.

Забавно, но это отчасти сработало. Мы сумели остаться друзьями и ещё несколько лет общались — правда, уже в интернете, где всё и началось. Видимо, мне не хотелось верить, что человек, который был для меня всем, может исчезнуть бесследно. Возможно, именно эта странная, изломанная дружба вышла честнее и долговечнее, чем та оглушительная влюблённость, с которой всё начиналось.

Незадолго до этой любовной истории я, сам не зная зачем (и до сих пор не уверен, что понимаю это до конца), совершил поступок, который теперь кажется мне актом чистой, ничем не замутнённой самонадеянности. Не освоив ещё как следует базовых аккордов на обычной гитаре, которые отец терпеливо показывал мне на своей старой советской акустике неизвестного происхождения, которая причиняла боль при игре и звенела, как осколки от распавшегося СССР, — я вдруг купил бас-гитару. Потому что в 2008 году мне вдруг показалось, что моя судьба — стать вторым Джоном Иллсли из «Dire Straits». Тех, которых я слушал тогда сутками, на повторе.

Теперь я уже видел себя на сцене совсем по-другому — не патлатым неформом в замызганных кедах, а солидным музыкантом в дорогом костюме, чёрных очках, с невозмутимым лицом сфинкса. Из-под моих пальцев исходят густые ноты, которые падают в зал, как камни в воду, и расходятся кругами по сердцам зрителей. Красивая картинка, ничего не скажешь.

Жаль только, что реальность оказалась куда прозаичнее: бас-гитара весила как небольшой танк, струны напоминали канаты каравеллы, а мои пальцы были от природы коротки и, кажется, совершенно не годились для рок-подвигов. Да и сам инструмент, вопреки расхожему мнению «да чё там уметь-то, всего четыре струны ж ёмаё!», оказался далеко не простым: он требовал и знания музыкальной грамоты, и силы, и выдержки, и особой, почти звериной хватки, которых у меня тогда не было и в помине.

А дальше случилось то, что рано или поздно происходит с любой непрошеной вещью в музыкальной вселенной: мой бас «ненадолго» одолжили знакомые панки-хардкорщики для записи своего альбома. Запись, как водится, затянулась — в моём случае на полгода с лишним. На этом моя басовая эпопея благополучно завершилась, так и не успев толком начаться.

Взамен, правда, они вручили мне электрогитару. На грифе гордо красовалось имя — «Medusa». Инструмент выглядел как плод любви бульдога с носорогом: гриф от одной модели, корпус от другой, и всё это было скреплено, видимо, на соплях и честном слове. Но именно эта несуразная «Medusa» стала стартовой площадкой моего «великого рок-н-рольного путешествия» в мир, где дурно пахло перегаром, дешёвым табаком и чужим потом, намертво въевшимся в концертный микрофон. На ней я разучивал свои первые аккорды, тыкая в лады с упорством неандертальца, добывающего огонь. На ней же выдавливал первые соло: примитивные, фальшивые, но для меня тогда они звучали чуть ли не как музыка сфер.

Иногда в жизнь приходит совсем не то, что заказывал. А потом оказывается, что именно это и есть твой счастливый билет. Через полгода «Medusa» вернулась к хозяину, ко мне вернулся мой бас. Но я уже знал: басистом я теперь быть не хочу.

Что касается собственной группы (её обязательно нужно было собрать, иначе как ещё стать рок-звездой?) — она родилась вовсе не из творческого манифеста и не из благородного желания нести искусство в массы. Всё оказалось куда прозаичнее и, как мне теперь кажется, куда правильнее. Группа выросла из обычной дружеской тусовки — из тех беспечных прогулок тёплыми летними днями, когда асфальт прогрет солнцем, а воздух пропитан сладкой горечью тополиных почек. И из тех долгих вечеров, когда время будто течёт сквозь пальцы — бессмысленно и щедро, как вода из подтекающего крана, который вечно лень починить. А ты сидишь с бутылкой пива на продавленном диване в чьей-то квартире, слышишь приглушённые голоса с кухни и хруст чипсов — и вдруг ловишь себя на мысли, что больше ничего и не нужно. Никаких манифестов, никаких целей. Всё, что требуется в этот момент, это чтобы рядом были свои люди, те, кто понимает без слов, кто готов поделиться последней сигаретой и остаться с тобой до рассвета просто потому, что так сложилось.

С теми друзьями, с кем мы начали этот рок-н-рольный бардак, мы учились в одной школе. И, что редкость, наши дороги не разошлись. Мы часто зависали в больших компаниях или просто втроём, пили дешёвое пиво — такое, от которого наутро голова раскалывается, но в моменте оно кажется нектаром богов. Бесконечно спорили о смысле жизни, хотя никто

из нас понятия не имел, как эту жизнь устроить. Слушали всё подряд: от британского рока до русского андеграунда, и сходились в дискуссиях до хрипоты. Ходили на «гиги» общих знакомых (включая тех панков, что умыкнули мой бас) и уже тогда, пусть через рукопожатия и третьи лица, чувствовали себя частью барнаульской сцены.

И в какой-то момент кто-то бросил в воздух:

— А давайте и сами попробуем?

Сказано это было с той же интонацией, с какой предлагают перекусить или сыграть в дурака. Никакого трепета. Никто не почувствовал, что стрелка истории только что дёрнулась. Нам просто было весело вместе, и мы не видели причин отказывать себе в удовольствии превратить это веселье в музыку. Может, причина и не требовалась: в те годы мы вообще редко искали причины, мы просто тянулись друг к другу.

Итак, у нас теперь есть своя группа! За барабанами оказался мой одноклассник и самый близкий друг (по сей день), Вова. Место басиста я любезно уступил нашему общему другу Серёже — не зря же я полгода учился играть на «электрухе»! Правда, в тот период, когда мы уже гордо называли наши встречи репетициями, а себя группой, собственной электрогитары у меня как раз не было. Мой бас (на котором я так и не заиграл) выкупил новоиспечённый басист Серёжа, а я на репетициях оказался вечным гостем. Приходилось играть на чужих гитарах — либо на белом «Squier Stratocaster», либо на фиолетовом суперстрате, марку которого я уже не вспомню.

Эти инструменты принадлежали владельцу легендарной студии на втором этаже ДК «Сибэнергомаш», куда мы отправились на свои первые репетиции. Он, как добрый волшебник из рок-н-рольной сказки, одалживал свои гитары таким пионерам рока, как я. Из-за этого на репетициях я каждый раз стеснялся, зажимался, боялся лишний раз дотронуться до грифа — вдруг сломаю что-нибудь по неопытности? Но при этом свято верил в спасительную теорию: если сделать усилитель погромче, все недостатки моей корявой игры волшебным образом растворятся в этом шуме. Ведь если бас гудит так, что дрожат стёкла, а ударные летят как из пулемёта, никто не заметит, как я сбиваюсь на каждом втором переходе. Наивность, конечно, чудовищная, но что было, то было.

Мы тогда не знали, что громкость, это очень плохой учитель для новичка. Что она не скрывает ошибки, а наоборот выставляет их напоказ, делая монументальными. Но мы были молоды, полны энтузиазма и верили: раз нас пустили в эту студию, раз разрешили касаться этих гитар, значит, мы имеем на это право. Ну или вот-вот его заслужим.

Первые репетиции (лето-осень 2009-го) я вспоминаю теперь только со снисходительной улыбкой. Той самой, с какой взрослые листают свои детские фото. Меня поймут те, кто когда-то впервые брал в руки гитару, даже не зная, как её настроить. Это были даже не репетиции — так, коллективные попытки освоить азы, которые по логике должны были навсегда отбить охоту играть у любого вменяемого человека (бегите, глупцы, пока не поздно!).

У меня в домашнем архиве до сих пор лежат видео с тех сессий. Иногда, в приступе ностальгии, я их включаю — и тут же выключаю. Зрелище не для слабонервных. Мы не репетировали, мы учились. С ходу, методом проб и ошибок, которых было в разы больше, чем самих проб.

Моя святая вера тогда: главное — громкость и наглость, а мастерство придёт само, стоит только терзать струны достаточно долго. И в этой вере, кажется, что-то было — мы действительно не сошли с дистанции. Мы возвращались в студию снова и снова, мазали переходы, путали такты, сбивались и не попадали в тональность. Но сегодня я могу сказать: те месяцы — не потраченное время, а самое настоящее образование. Потому что нам хватило глупости не сдаться в самом начале.

Свою первую настоящую электрогитару, дешёвую китайскую палку-копалку Vintage Telecaster, которая отчаянно косплеила настоящий американский Fender, я купил только осе-

нию 2009-го. Откладывал на неё крохи от своей небольшой стипендии педуниверситета. Отка-
зывал себе в нормальной еде из кафетерия, предпочитая голодный желудок мечте. Ходил на
учёбу пешком — сорок минут в один конец, чтобы сэкономить на проезде, по пути слушая в
наушниках то, что мы когда-нибудь, возможно, научимся играть.

Помню, как принёс её домой. Распаковал. И просто сидел, держа в руках, боясь поверить,
что это наконец-то моё. Гитара пахла дешёвым лаком, деревом и чем-то далёким, фабричным.
Она пахла Китаем, который вдруг стал для меня родиной настоящего рок-н-ролла.

Это было странное, почти нелепое счастье — счастье человека, который добровольно
лишал себя маленьких радостей и комфорта ради инструмента, который ещё не умел толком
держат в руках. Но мне казалось, что с появлением этой гитары всё изменится. Что я пере-
стану быть чужим на репетициях, что звук станет послушным, а пальцы побегут по грифу без
запинки. Чуда, конечно, не произошло: техника оставалась корявой. Но впервые я держал в
руках не чужое, а своё.

Вместе с гитарой я приобрёл три предмета, которые навсегда остались свидетелями моего
музыкального старта. Первый — самый дешёвый шнур «джек-джек» красного цвета, чтобы
подключать гитару к усилителям. Второй — ремень для гитары неизвестного происхождения.
В какой-то момент я начал лепить на него белые полоски (иногда синие), как у фронтмена Snow
Patrol, моей любимой группы. Они до сих пор лежат в чехле моей нынешней акустической
гитары Fender, пройдя весь путь от начала до конца. И если это не магия вещей, то уж точно
верность человека, который не умеет расставаться с тем, что пережило с ним первые аккорды.

Третий — моя первая примочка, гитарная педаль BOSS-DS2, прямо как у Курта
Кобейна! Этот ярко-оранжевый кирпичик заключал в себе, как мне казалось, весь гранж девя-
ностых, который мы так хотели присвоить себе. Я подключил её, нажал на педаль, и чистое,
честное звучание моей подделки под настоящий «телекастер» магически превратилось в то
самое «дж-дж-джжж»: грязное, рычащее, с хрипотцой, от которой подрагивало всё внутри. До
настоящего кобейновского звучания мне, конечно, было как пешком до Сиэтла, но тогда, в тот
момент, я был абсолютно счастлив.

Теперь у нас были свои «палки» (так музыканты ласково называют свои гитары), и мы
засобирались на новое место. Студию в ДК «Сибэнергомаш» мы покинули без сожаления: она
была уютная, но кусачая по цене. Стены там помнили ещё советскую самодеятельность, а вах-
тёр — отдельный персонаж. Он пропускал нас с инструментами с таким видом, будто делал
личное одолжение. На наши «добрый вечер» отвечал бурчанием, и в этом бурчании безоши-
бочно угадывалось всё, что он думает о длинноволосых юнцах с гитарными чехлами.

Через пару месяцев после переезда в нашем трио появился ещё один гитарист — Антон
Бобылев. Он был университетским приятелем моего друга Вовы, нашего барабанщика. Антон,
самый спокойный и рассудительный из нас, сразу подошёл к делу основательно: приобрёл чёр-
ный суперстрат Ibanez и гитарный процессор Boss, который казался мне космическим кораб-
лём с бесконечным количеством кнопок. А чтобы не тормозить в освоении инструмента (как
это делал я), записался к одному из лучших гитаристов Барнаула — Славе Климашину, ныне
ведущему гитаристу известной на всю страну группы «Комната культуры».

С приходом Антона всё изменилось. Не сразу, но довольно быстро его партии начали
добавлять нашему звучанию оттенки, о которых мы раньше и не подозревали. А мне, наконец,
стало чуть легче — потому что быть поющим гитаристом, когда толком не умеешь ни играть,
ни петь, та ещё задачка. Раньше я разрывался между ритмом, струнами и нотами. Теперь, с
ещё одним гитаристом, я мог позволить себе чуть меньше паники и чуть больше концентрации
на вокале. Или наоборот, просто кайфовать от того, что музыка начинает звучать цельно.

Нашим новым, почти постоянным пристанищем стал гараж среди многоэтажек на окра-
ине исторического центра. Хозяева гордо именовали его «База Bazooka» — и в этом названии
уже слышалось что-то самодельное, брутальное и совершенно независимое от Дворцов куль-

туры. Здесь не было ни вечно бдящего вахтёра, ни гулких коридоров, ни намёка на официальность. Зато были запахи — невыветрившегося до конца бензина, машинного масла и старых покрышек. Но главное — чувство свободы, той самой, которую мы так старательно ловили в своих первых музыкальных опытах.

Надо отдать хозяевам «Базуки» должное: парни знали своё дело. По нашим меркам, они были очень опытными музыкантами (играли в группе «PRAGA»), да и аппаратура у них в студии стояла серьёзная. Такая, что от одного вида транзисторных и ламповых комбиков у новичка вроде меня начинало сосать под ложечкой от восторга и благоговения.

Жаль было только уши администраторов, которым приходилось слушать наши потуги из каморки для отдыха, совмещённой со складом. Возможно, они до сих пор иногда вспоминают нас недобрым словом. Если бы стены того гаража могли говорить, они бы, наверное, взмолились о пощаде. Но стены молчали — только глухо рокотали в такт нашим неуклюжим риффам, и это, пожалуй, было высшим проявлением их ангельского терпения.

Но как же круто нам было там!

Мы встречались по вечерам в выходные. Но чаще по утрам, потому что так было проще согласовать наши графики, и это доставляло хозяевам «точки», пожалуй, ещё больше боли. Администраторы или сами владельцы «Базуки», после очередного концерта и обязательной вечеринки, в состоянии тяжёлого похмелья тащились через весь город, чтобы открыть нам студию ранним воскресным утром, когда нормальные люди ещё спят. Они впускали нас, молча кивая в сторону аппаратуры, и исчезали в своей комнатухе досматривать прерванные сны под глухую дробь барабанов и жужжание гитар. Мы были искренне благодарны им за это молчаливое самопожертвование.

Иногда, когда город за стенами гаража погружался в сумерки, мы устраивали ночные репетиции. Это были особые часы. Время словно меняло плотность: оно сгущалось, превращаясь в тягучую смолу, в которой мы барахтались, не замечая, как за окнами гаснет день, а потом снова загорается, но уже с другой стороны неба. Мы играли (или делали вид) пока пальцы не начинали гореть, а головы не наливались свинцом от звука. И пива, конечно же, потому что какой рок-н-ролл без пива? Даже если сам рок-н-ролл пока был очень условным.

Утром мы выходили из гаража опухшие, оглохшие на одно ухо, но счастливые. Пальцы пахли металлом струн, одежда благоухала потом и сигаретным дымом, а внутри жило то странное чувство единства, которое возникает только после нескольких часов в тесной комнате, где четверо людей пытались стать одним организмом. Получалось не всегда. Но когда получалось, пусть на несколько тактов, это стоило всех воскресных утр, отнятых у сна, и всех комбиков, терпевших нашу игру.

После репетиций мы часто заглядывали в кофейню за углом. Пили растворимый кофе 3-в-1 из пластиковых стаканчиков, обжигаясь и морщась от его химического вкуса. Сидели за липкими столиками, обсуждали будущие альбомы, которые мы непременно запишем. Хотя максимум, что у нас тогда было, это пара аккордовых связок и смутная надежда когда-нибудь довести их до ума.

Иногда, если настроение располагало к чему-то сытному, мы заходили в новенькую пиццерию неподалёку. Сейчас это известная в Барнауле сеть «Chicago Pizza», а тогда она только-только открылась, и всё в ней казалось нам непривычно чистым. Пахло свежим ремонтом, горячим тестом и большими деньгами, которых у нас, разумеется, в карманах не водилось. Мы заказывали одну пиццу на четверых, делили по кусочкам, и это была, наверное, самая вкусная пицца в нашей жизни.

А иногда просто бродили по городу. Без цели, без маршрута, без необходимости куда-то спешить. Болтали ни о чём и обо всём сразу, смеялись над нашими же ошибками: над тем, как я сбился на припеве, как Вова потерял счёт, как Антон залажал в соло, а Серёжа не вовремя вступил. Строили планы, которым не суждено было сбыться, и радовались просто тому, что

мы есть друг у друга. И, наверное, в этом было наше главное счастье — не в музыке, не в мечтах о славе и стадионах, а в этих бесконечных прогулках под фонарями спального района или яркими огнями городского центра, где воздух пах осенью и свободой, а будущее казалось бесконечным.

Ведь мы были друзьями и вне группы. И остаёмся ими до сих пор. В этом, наверное, и заключался наш главный секрет. Нас связывало не творчество, не амбиции и даже не любовь к музыке как таковой, а кое-что более простое и надёжное: человеческая симпатия, помноженная на молодость. Музыка была просто ещё одним поводом собираться вместе. Счастливым поводом, который оказался сильнее нас и в итоге повёл за собой.

Именно в этой неуклюжести, в этой самодеятельной наивности и заключалась наша подлинность. Мы не строили из себя рок-звёзд всерьёз, не сочиняли героических образов и биографий. Мы были просто молодыми людьми, которым нравилось проводить время вместе и которые по чистой наивности решили, что играть рок это весело. А это действительно было весело! Возможно, поэтому наша группа, созданная тогда и всё ещё не имевшая названия, оказалась живучее многих серьёзных проектов. Она держалась не на амбициях, которые имеют свойство лопаться от первого же удара, а на том, что объединяло нас ещё до инструментов. На дружбе, которой не нужны оправдания. На привычке быть рядом, смеяться над общими шутками и молчать, когда слова казались лишними.

Теперь мне кажется, что самые настоящие группы рождаются не в продюсерских центрах, а в таких вот гаражах, на продавленных диванах, за пластиковыми стаканчиками растворимого кофе. И начинаются они не с манифестов, а с вопроса «А давайте попробуем?» сказанного так, будто речь идёт о пустяке, который можно бросить в любой момент. Но если этот вопрос находит отклик, если после первой неудачной репетиции вы всё равно идёте вместе ужинать и строите планы, которым никогда не суждено сбыться, значит, это всерьёз. И, может быть, даже навсегда.

И, наверное, это единственная правдивая легенда о рождении группы, которая у нас когда-либо была. Легенда без пафоса, без придуманных деталей, без великих озарений. Зато с настоящими людьми, настоящими гитарами и настоящим красным шнуром «джек-джек», глядя на который, я каждый раз вспоминаю, с чего всё начиналось и куда меня в итоге это завело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.